

К 140-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА БЛОКА

УДК 821.161.1:141.5

ББК 83.3(2):87

Игошева Татьяна Васильевна

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, ведущий научный сотрудник,
доктор филологических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: tigoshева@mail.ru

Понятие «воли» в размышлениях А. Блока о революции

Рассматривается вопрос о смысловом наполнении понятия «воли», к которому активно обращается А. Блок в предреволюционные и революционные годы. Материалом для анализа стали Записные книжки и дневниковые записи Блока, относящиеся в основном к 1917 г. Особое внимание уделяется задаче прояснения круга значений, понятия «воли» в рамках философских представлений Блока. Исследуется развитие и трансформация блоковского представления о воле, которые происходили в разные периоды под различным философским воздействием. Показано, что в рассматриваемый период на формирование блоковского мировоззрения огромное влияние оказала философия А. Шопенгауэра. Выявляются существенные изменения в метафизических взглядах Блока революционной эпохи по сравнению с его ранним творческим периодом. В рамках сравнительного подхода проведено сопоставление взаимосвязей между понятиями «Мировая Воля», «музыка» и «стихия» у А. Блока, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше и Р. Вагнера. Сделан вывод о том, что Блок в 1917–1918 гг., характеризуя революцию, присоединяется к шопенгауэровскому определению двойственности Мировой Воли, включающей в себя одновременно разрушительное и созидательное начало, но вместе с тем при описании и характеристике революции он стремится к преодолению шопенгауэровского пессимизма через вагнеровское понимание духа музыки как проявления Мировой Воли в качестве творческой силы, организующей новый порядок жизни.

Ключевые слова: творчество А. Блока, революция в дневниковых записях и Записных книжках Блока, идеи Р. Вагнера, «воля к власти», «дух музыки» Ф. Ницше, «воля к жизни», «мир как воля» А. Шопенгауэра, онтологическая сущность воли в составе революции.

Igosheva Tat'yana Vasil'evna

Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Leading Researcher,
Doctor of Philology, Associate Professor, Russia, St. Petersburg, e-mail: tigoshева@mail.ru

Concept of «will» in the reflections of A. Block on the revolution

The question of the meaning of the concept of «will,» to which A. Block actively addresses in the pre-revolutionary and revolutionary years, is under consideration. The material for the study was Notebooks and diary records of the Block, mainly related to 1917. Particular attention is paid to the task of clarifying the range of meanings, the concept of «will» within the framework of the philosophical ideas of the Block. The development and transformation of the Block idea of will, which took place at different periods under various philosophical influence, is being investigated. It is shown that in the period under review the formation of the Block worldview was greatly influenced by the philosophy

of A. Schopenhauer. Significant changes are revealed in the metaphysical views of the Blok of the revolutionary era compared to its early creative period. As part of the comparative approach, a comparison was made between the concepts of «World Will,» Music «and» Elements «in Blok, Schopenhauer, Nietzsche and Wagner. It has been concluded that the Blok in 1917 - 1918 agrees with Schopenhauer 's definition of the ambivalence of the World Will, which includes both a destructive and creative beginning, but at the same time in describing and characterizing the revolution he wants to overcome Schopenhauer 's pessimism by adjusting it with Wagner 's representation of the spirit of music as a manifestation of the World Will as a force organizing a new order of life.

Keywords: A. Blok's work, the revolution in Blok's diaries and notebooks, R. Wagner's ideas, «will to power», «spirit of music» by F. Nietzsche, «will to live», «world as will» by A. Schopenhauer, Ontological essence will be like part of the revolution

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.3.079-092

Ранний период творчества Блока был отмечен желанием отыскать основные законы бытия, некое универсальное мировое первоначало. Стремление найти такие онтологические основания сближали Блока с теми философами-метафизиками, которые ставили задачу заглянуть за пределы очевидной реальности в онтологическую глубину жизни и обнаружить внеэмпирические процессы мирового универсума.

В ранний период творчества Блока центром его творческой картины мира стало представление о Мировой Душе, развивавшееся у него в рамках философской традиции: Платон – Плотин – Шеллинг – Вл. Соловьев. В соответствии с этим представлением у автора «Стихов о Прекрасной Даме» оформлялся и понятийный язык, с помощью которого, возможно, подчас и вопреки философской логике, он творчески выражал свою авторскую картину бытия.

Позднее, уже за пределами «первого тома», идея Мировой Души оказывается несколько потесненной (но не вытесненной из творчества Блока вовсе) и на первый план блоковской картины мира выдвигаются такие понятия, как ‘воля’, ‘Мировая Воля’ и некоторые другие, с точки зрения автора «Двенадцати» синонимичные им. Обращаясь к этим категориям, Блок полагал, что с помощью них он не просто раскрывает и уточняет структуру бытия, но и, выявляя роль Мировой Души и Мировой Воли в развитии мира, предсказывает его будущее. Поэтому в своем докладе «О современном состоянии русского символизма» (1910 г.), он подчеркивал: «...для отдания отчета в пройденном пути и для гаданий о будущем - я избираю язык поневоле условный» [1, с. 426] (курсив наш. – Т.И.). Безусловно, это был язык не строгих понятий, но символов.

И если генезис и эволюция идеи Мировой Души в творческом сознании Блока в основных контурах исследователями уже очерчены, то понятие ‘воли’ привлекало к себе лишь эпизодическое внимание филологов-блоковедов в связи с другими исследуемыми вопросами и проблемами (З.Г. Минц совместно с Ю.М. Лотманом в связи с романтическим понятием ‘воля’¹; Д.М. Поцепня – с

¹ См.: Лотман Ю., Минц З. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская те-

идеей музыки у Блока²; Д.М. Магомедова в связи с темой Блок и Вагнер³, Е. Чугунова – в связи с темой «Блок – Вагнер – Ницше»⁴). Вместе с тем задача прояснения круга значений, развития и трансформации понятия ‘воли’ в рамках блоковских философских представлений до сих пор остается актуальной. И мы, отнюдь не претендуя исчерпать заявленную тему, ставим задачу представить некоторые из подходов для ее рассмотрения.

К понятию ‘воли’ Блок обращался на протяжении всего своего творческого развития, но в разные периоды степень интенсивности такого обращения была разной, и при этом актуальными становились различные его значения. В стихах «первого тома», согласно «Частотному словарю “Стихов о Прекрасной Даме»», – всего 3 случая употребления интересующего нас слова ‘воля’⁵, в письмах и статьях этого периода – еще несколько случаев⁶. Однако после революционных событий 1905 г. (в лирике «второго» и «третьего» томов) объем словоупотребления ‘воли’ резко возрастает⁷.

Известно, что слово «воля» – полисеманлично и, как отмечают лингвисты, в нем можно выделить два смысловых инварианта или два одноименных концепта: 1) способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели; 2) свобода в проявлении чего-либо⁸. Т.е., понятийный состав ‘воли’ концентрирует вокруг себя концепты, означающие психические свойства индивида, состояния его души и вместе с тем отрицание каких-либо границ, пределов. В разные периоды поэт обращался и к обоим смысловым инвариантам ‘воли’, и к ряду их вариантов.

Помимо лингвистического аспекта в блоковском употреблении слова

ма» у Блока // Блоковский сборник (1): Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 98–156 [2].

² См.: Поцепня Д.М. Проза А. Блока. Стилистические проблемы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976 [3].

³ См.: Магомедова Д.М. О генезисе и значении символа «мировой оркестр» в творчестве А. Блока // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1974. № 5. С. 10–19 [4]; Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. С. 85–110 [5].

⁴ См.: Чугунова Е.Е. «Океан – сердце мое...» (к вопросу о триаде «Блок – Вагнер – Ницше») // Александр Блок. Исследования и материалы. Т. 4. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 163–177 [6].

⁵ Минц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство, 1999. С. 669 [7].

⁶ Например, в письме С.Соловьеву от 20 марта 1903 г., в котором Блок сообщает корреспонденту о своей предстоящей женитьбе, он, в частности, пишет: «Здесь глубоко испытываются храмовые законы Молчаливой Воли, в которых “тяжкий млат, дробя стекло, кует булат”» (см.: Литературное наследство. Т. 92, кн. 1. М.: Наука, 1980. С. 331–332 [8]). Здесь характерно само написание словосочетания «Молчаливой Воли» прописными буквами.

⁷ Только в стихах «второго тома» (не считая прозы Блока) слово «воля» употреблено 25 раз. В «третьем томе» частотность употребления интересующего нас слова увеличивается именно в прозе, вместе с тем уменьшается (по сравнению со «вторым» томом примерно в 2 раза) в этот период - в стихах.

⁸ См.: Петровых Н.М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение; 2002. Вып. 5, № 24. С. 207–217 [9].

«воля» необходимо выделить аспект философский, поскольку поэт нередко апеллировал к слову ‘воля’ именно в этом качестве. При ближайшем рассмотрении вполне выявляется и та философская традиция, в рамках которой Блок обращается к понятию ‘воля’ в процессе формирования своей творческой картины мира.

На протяжении нескольких веков (и в античную, и в более поздние эпохи) ‘воля’ рассматривалась в контексте философской и религиозной *этики*⁹: при помощи важнейших понятий «естественного хотения» и «вольного согласия» (Бернард Клервосский) отстаивались две противоположные друг другу ключевые позиции – полная пассивность человеческой воли (детерминизм, фатализм) и свобода воли; свобода воли и благодать Божия. В начале XIX в. А. Шопенгауэр сделал очень важный шаг (по сравнению с предшествующей традицией): он вывел философствование о воле за пределы области *этики* в сферу *метафизики*. Этот метафизический аспект ‘воли’ оказался важен для Блока.

О том, что поэт был знаком с идеями Шопенгауэра, говорит ряд фактов. Во-первых, Шопенгауэр в составе группы других крупнейших философов входил в круг интеллектуальных интересов русского символизма. Корреспонденты Блока, например Андрей Белый и С. Соловьёв в 1903 – 1904 гг. в своих письмах, адресованных автору «Стихов о Прекрасной Даме», активно обращались к основным положениям философии Шопенгауэра¹⁰. Во-вторых, ряд изданий из блоковской библиотеки свидетельствует об интересе поэта к этому философу. Так, в его библиотеке имелось издание трудов немецкого философа: «Шопенгауэр А. О писательстве и слоге» (СПб., 1893). В конце 1903 г. в журнале «Новый путь», с которым сотрудничал Блок, была опубликована статья И. Вернера «Тип Кириллова у Достоевского». На страницах, где помещена эта работа, Блок, по словам И.В. Корецкой, сделал «более ста помет»¹¹. Обращает внимание на себя тот факт, что Блок выделял те фрагменты текста, которые были посвящены идеям волюнтаризма Ницше, оформившимся под влиянием Шопенгауэра. Корецкая отмечает, что Блок выделяет тезисы волюнтаристской гносеологии и возле них на полях везде делает пометку «воля»¹². Кроме того, на

⁹ См.: Соловьёв Вл. Свобода воли // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900. С. 165–169 [10].

¹⁰ См., например С. Соловьёв в письме Блоку от 18 февраля 1904 г.: «Любовь есть существо, вечное, созидающее, хранящее и ведущее к воссоединению с собой. К берегу любви философская мысль текла, минуя многие острова. Имя одного острова «слепая воля» (Шопенгауэр), затем «бессознательное» Гартмана. Но об этом поговорим в Шахматове, даст бог» (см.: Литературное наследство. Т. 92, кн. 1. С. 365 [8]). Или в его же письме первой половины октября 1904 г.: «Я был весь заряжен Брюсовым и Пшибышевским, Ницше и Шопенгауэром. Меня раздавливал образ слепой, жестокой природы (Хаос)»; «Мир как воля сменился миром как представлением» [8, с. 379]. См. также: Андрей Белый, Александр Блок. Переписка. 1903 – 1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. С. 25 [11].

¹¹ См.: Корецкая И.В. Блок о Достоевском (по неизвестным материалам) // ЛН. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 13 [12].

¹² Там же. С. 33.

страницах важного для того времени издания «История новой философии» К. Фишера¹³ также имеется ряд помет, свидетельствующих об интересе, проявляемом Блоком к вопросам философии¹⁴. В-третьих, в блоковской прозе присутствуют упоминания имени Шопенгауэра и обращения к основным положениям его философии¹⁵.

Все это говорит о том, что, возможно не всегда по первоисточникам, но, тем не менее Блок был знаком с основными положениями философии Шопенгауэра. Подтверждением этому является присутствие понятия ‘воли’ в его категориальном репертуаре: его смысловое наполнение при этом восходит как к *этической философии*, так и к шопенгауэровской *метафизике волюнтаризма*. Для того, чтобы убедиться в этом, нужен не только анализ самого понятия ‘воли’, но и того контекста, в котором оно употребляется, поскольку норма контекста помогает выявлять конкретное смысловое наполнение интересующей нас философской категории¹⁶.

Достаточно плотное присутствие шопенгауэровской терминологии в блоковских прозаических текстах свидетельствует, что обращение к ней у поэта, во-первых, не случайно; во-вторых, за системой понятий скрывается комплекс идей, если и не вполне шопенгауэровский по своему характеру, то все же восходящий к нему и на его основе самостоятельно, индивидуально разработанный Блоком¹⁷.

В 1910-е годы, наполненные предчувствиями приближающейся катастрофы, метафизические представления Блока о воле вполне выкристаллизовались, что дает основание сделать предварительный срез и понаблюдать за тем, какое место занимает понятие ‘воли’ в его размышлениях о революции. Материалом для такой обсервации, за некоторым исключением, стали Записные книжки и дневниковые записи Блока, относящиеся к 1917 г.

Сразу отметим, что в дневниках и записных книжках Блока этого времени не обнаруживается употребления слова ‘воля’ в значении «социальной свободы», хотя, казалось бы, в эпоху потрясений обращение именно к этому зна-

---

¹³ И. Лапшин в 1903 г. считал том «Истории философии» К. Фишера «едва ли не лучшим трудом о философии Шопенгауэра» (см.: Лапшин И. Шопенгауэр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIX. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1903. С. 789 [13]).

¹⁴ При этом необходимо отметить тот факт, что том Фишера, посвященный Шопенгауэру, отсутствует среди изданий блоковской библиотеки, хотя это не отменяет возможности знакомства с этим изданием из других источников.

¹⁵ Например: «Никогда не верю я так в жизнь, как при чтении “отца” пессимизма Шопенгауэра: человек думал так – и жил! Значит могуча и непобедима жизнь» [1, с. 192].

¹⁶ См. о понятии «норма контекста» со ссылкой на труды Б.А. Ларина: Поцепня Д.М. Проза А. Блока. Стилистические проблемы. С. 10–11.

¹⁷ Блок писал: «Каждый день истекшего двухлетия – для всех нас есть день изживания последствий окончившейся революции <...> каждый изживал эти дни по-своему: активно, пассивно, сочувственно, тупо, весело, клонясь к смерти, наполняясь волею к жизни, – каждый по-своему, но все равно – с чувством ее неотступного присутствия» [14, с. 485] (курсив наш – Т.И.).

чению было бы уместно и совершенно естественно. Какие же из значений слова 'воля' привлекают в это время Блока?

Во-первых, Блок употребляет понятие 'воля' в значении индивидуально-волеизъявления человека. В дневниковой записи от 1 июня 1917 г. он отмечает: «Труд – это написано на красном знамени революции. Труд – священный труд, дающий людям жить, воспитывающий ум и *волю*, и сердце» [15, с. 255] (курсив наш. – *Т.И.*). Здесь 'воля' используется в значении «способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели», и специфические шопенгауэровские оттенки в данном случае отсутствуют.

Во-вторых, для Блока безусловна связь личной человеческой воли с миром сущностей. Неслучайно в свое время он записывал: «есть мировые связи, большие, чем я»¹⁸. И в таком случае 'воля' у Блока приобретает характер философского, метафизического понятия, в составе семантики которого уже можно обнаружить присутствие элементов шопенгауэровской концепции «мира как воли».

Летом 1917 г. Блок записал: «Я по-прежнему “не могу выбрать». Для выбора нужно действие **воли**. Опоры для нее я могу искать только в небе, но небо – сейчас пустое для меня (вся моя жизнь под этим углом, и как это случилось). То есть, утвердив себя как *художник*, я поплатился тем, что узаконил, констатировал *середину* жизни – “пустую» (естественно), потому что – слишком полную содержанием преходящим» [15, с. 280].

Из этой записи следует, что Блок сделал шаг от понимания 'воли' как проявления человеческой психики к пониманию ее в качестве философской категории – базового понятия, при помощи которого возможно более точное описание устройства мира в его метафизической основе. Об этом говорит прежде всего стремление найти основание для действия индивидуальной воли «в небе», т.е. за пределами эмпирического бытия.

Это был шаг навстречу Шопенгауэру, который понимал 'волю' всеобъемлюще – как «глубочайшую сущность жизни»¹⁹, пронизывающую весь состав бытия, вследствие чего, по мнению немецкого философа, в мире нет ничего иного, кроме воли. Важно и то, что соотношение личности и воли у Шопенгауэра обратно традиционному пониманию: не личность – носитель воли, а «личность – явление воли»²⁰, т.е. личность – объективация в материальных формах развоплощенной космической воли. Не отсюда ли у Блока необходимость в установлении связей индивидуальной воли «от неба»?

Поздний Блок вслед за Шопенгауэром был склонен воспринимать волю как самообнаруживающее себя в мире некое универсальное первоначало бытия, к которому восходит все множество личных человеческих волей. И это множество личных волей входит в состав единой Мировой Воли – понятие, которое в историю философии ввел Шопенгауэр.

¹⁸ См.: Блок А.А. Дневники // Блок А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. М.; Л.: Худож. лит.-ра, 1963. С. 176 [15].

¹⁹ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993. Т. I. С. 410 [16].

²⁰ Там же. С. 240.

В своем учении Шопенгауэр развивал мысль о мире как представлении субъекта и мире как воле к жизни. При этом мир представлений, по Шопенгауэру, зависит от Мировой Воли и в полной мере подчинен ей. Следовательно, Мировая Воля – ключ ко всем мировым явлениям.

Мировая Воля у Шопенгауэра «способна к объективации, воплощению в материальных формах и в ходе этого процесса она проходит ряд ступеней, каждая из которых оспаривает у другой материю, пространство и время. <...> Восходя по биологическим ступеням (царство растений, царство животных), воля становится более совершенной и сознательной, но вместе с тем она принимает все более жестокий и мучительный для самой себя и притом морально отрицательный характер» [17, с. 82]. Немецкий философ описывает ее как двойственную по своей природе энергию: и бессознательную стихийную силу, могучую и разрушительную, но одновременно и творческий принцип, порождающий все вещи, явления и процессы и обновляющий жизнь.

Этот комплекс шопенгауэровских идей становится для Блока во второй половине 1910-х годов кодом, в соответствии с которым он выстраивает свое представление о мире, в связи с чем свое собственное мировоззрение этого периода он выражает, привлекая понятия «Мира как воли и представления», среди которых центральным является категория 'воли', под которой он часто имеет в виду 'Мировую Волю'.

Если в ранней картине мира Блока центральное место занимала Мировая Душа, то в поздний период ее место начинает занимать Мировая Воля. Здесь важно, что и сам автор «Мира как воли и представления» склонен был определенным образом соотносить эти два космических начала мироздания. Он писал: «жизненное начало, – не душа, а ... радикал души, и это есть воля»²¹, ставя при этом Мировую Волю выше Мировой Души, считая Мировую Волю своеобразной квинтэссенцией, «радикалом» Мировой Души.

14 апреля 1917 г. Блок сделал следующую запись в записной книжке: «Я не имею ясного взгляда на происходящее, тогда как *волею судьбы* я поставлен свидетелем великой эпохи. *Волею судьбы* (не своей *слабой силы*) я художник, т.е. свидетель. Нужен ли художник демократии?» [19, с. 316] (курсив наш. – Т.И.). В этой записи обращают на себя внимание словосочетания «волею судьбы» и «не своей слабой силы»: «волею судьбы», на наш взгляд, – это своеобразный блоковский сплав веры в судьбу с шопенгауэровской Мировой Волей, а «своя слабая сила» является синонимом сочетанию «своя слабая воля». Здесь сталкиваются понятия личной человеческой воли, которая оценивается автором «слабой силой», и воли надындивидуальной, по отношению к которой Блок занимает позицию фаталиста, столь свойственную шопенгауэровскому мировоззрению²².

В записной книжке под датой 5 ноября 1915 г. Блок оставляет разверну-

²¹ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993. Т. II. С. 29 [18].

²² Например, Шопенгауэр подчеркивал: «...проявление воли подчинено закону необходимости, т.е. закону основания» [16, с. 241].

тое рассуждение о народе и его «еще не тронутых силах»; о том, что «нашим детям предстоит в ближайшем будущем входить во все более тесное общение с народом»²³, вследствие чего нужно уметь правильно понимать содержание фольклора. Далее Блок продолжает рассуждать: «нечего совать детям непременно *все* русские сказки; если не умеете объяснить в них совсем ничего, не давайте злобных и жестоких; но если умеете хоть немного, откройте в этой жестокости хоть ее *несчастную*, униженную сторону; если же умеете больше покажите в ней творческое, откройте сторону могучей силы и воли, которая только не знает способа применить себя и «переливается по жилочкам» [19, с. 276].

Блоковское понимание 'воли' здесь вновь сближено с шопенгауэровским: во-первых, Блок понимает ее как объективацию (у Блока народ и есть воплощение в материальных формах метафизической основы жизни – воли), во-вторых, как мощную, но слепую, стихийную силу²⁴; в-третьих, как противоречивую в своей глубинной основе сущность (у Блока она униженная, злая, жестокая и творческая одновременно). Но и у Шопенгауэра Мировая Воля – носительница *противоречий*. Однако эти противоречия в его понимании существуют только внутри *единства* воли. Шопенгауэр подчеркивает: «...борьба – только проявление сущностного для воли раздвоения с самой собой» [16, с. 270]. Народ как объективация Мировой Воли, в характеристике Блока, – *единство*, но единство внутренне *противоречивое*. В приведенной записи Блок вновь сближает понятия 'силы' и 'воли'. А Шопенгауэр по поводу соотношения этих двух оставил следующее суждение: «До сих пор понятие воли подводили под понятие силы; я же поступаю наоборот и хочу, чтобы каждая сила в природе мыслилась как воля» [16, с. 239]. Блок, собственно говоря, здесь мыслит вполне по Шопенгауэру: народную силу он трактует как объективированную волю, которая не видит себе цели, или, говоря блоковскими словами, «не знает способа применить себя», то есть она стихийна и слепа по своей изначальной природе. У Шопенгауэра Мировая Воля – универсальная иррациональная стихия. У Блока народ понимается одной из форм объективации Мировой Воли, ведущей себя в согласии со своей онтологически стихийной природой.

В отличие от Шопенгауэра, выдвигавшего во главу угла своего видения мира идею Мировой Воли, которая у него характеризуется рядом свойств и среди них – стихийностью, Блок, как будто бы не вполне удовлетворенный шопенгауэровским определением 'воли', выдвигает *стихийность* на первый план и, более того, оформляет ее в *самостоятельную* категорию, что хорошо видно в его ключевой для пореволюционной эпохи статье «Крушение гуманизма» (1919 г.). В этой статье Блок понимает природную, социально-историческую и творческую стихии вполне в согласии с шопенгауэровскими построениями: как разные ступени объективации Мировой Воли. Блоковская

²³ См.: Блок А. Записные книжки. М.; Л.: Худож. лит.-ра, 1965. С. 275 [19].

²⁴ Ср. у Шопенгауэра: «на самой низкой ступени воля предстает перед нами как слепое влечение, как темный, глухой порыв» [16, с. 272].

‘стихия’ в его размышлениях – философский коррелят ‘Мировой Воли’. Летом 1917 г. он делает лаконичную запись, подтверждающую это представление: «Большевизм (стихия)»²⁵.

Блоковская запись от 5 ноября 1915 г., о которой шла речь выше, заканчивается выражением надежды на великое возрождение русского народа и России: «...а какое великое *возрождение*, т.е. *сдвиг всех сил*, нам предстоит, и до какой степени техника и художественное творчество немислимы друг без друга (технэ по-гречески – искусство), мы скоро увидим, ибо, если мы только выправимся после этого потопа, нам предстоит перенестись как на крыльях в эпоху *великого возрождения*, проходящего под знаком *мужественности и воли*» [19, с. 276].

Здесь весьма характерна расстановка смысловых акцентов: блоковские чаяния великого возрождения, «сдвига всех сил», корреспондируют с его ранней идеей мистического преображения несовершенного земного существования, однако теперь, по Блоку, оно должно произойти не под знаком женственности и Мировой Души (как это мыслилось в период «Стихов о Прекрасной Даме»), а под знаком *мужественности и воли*²⁶.

Дневниковая запись Блока от 13 июня 1917 г. также связана с кругом идей Шопенгауэра. В частности, в этой записи он отмечает: «Опять – молодое, летающее тело. <...> Опять набегают запредельная страсть, ужас желания жить» [15, с. 261].

Человеческое тело, по Шопенгауэру, как уже было отмечено выше, это телесное воплощение, объективация Мировой Воли, нашедшей в человеке всего лишь своего материального носителя. В шопенгауэровском контексте словосочетания Блока о «запредельной страсти» и «желании жить» воспринимаются как выражения, свидетельствующие о высшей степени проявления Мировой Воли в границах отдельной человеческой личности. «Желание жить» при этом семантически достаточно близко шопенгауэровскому ‘воля к жизни’. Вместе с тем у Блока «желание жить» сопровождается повышенно оценочным словом «ужас» («ужас желания жить»), которое, на первый взгляд, вступает в противоречие «желанию жить». Между тем такая оценка, по-видимому, может быть связана с представлением Шопенгауэра о жизни, являющейся страданием, в рамках которого понимающий эту истину созерцатель Мировой Воли поднимается до созерцания идей (высшая форма объективации Мировой Воли, по Шопенгауэру), а не участвует в переживании виталистского порыва воли в самом себе. Смерть способна избавить человека от страданий повседневной жизни, смерть, с точки зрения автора «Мира как воли и представления», – бесспорно, является «настоящей целью жизни и нельзя указать другой цели

²⁵ См.: Блок А.А. Дневники // Блок А. Собр. соч. в 8 т. Т. 7. С. 292.

²⁶ Ср.: в Предисловии к поэме «Возмездие», написанном в 1919 г., Блок, оглядываясь на начало 1910-х годов, отмечал их мужественное начало: «Именно мужественное веянье преобладало» (см.: Блок А.А. Возмездие. Предисловие // Блок А. Собр. соч. в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Худож. лит.-ра, 1960. С. 293 [20]).

нашего бытия, кроме уразумения, что лучше бы нас совсем не было. Это самая важная из всех истин» [16, с. 279].

Многочисленные высказывания Блока о его желании смерти в контексте шопенгауэровских идей вполне можно трактовать как философскую 'волю к смерти'. Вследствие чего блоковская фраза «ужас желания жить», звучит уже не столь парадоксально. Если целью человеческой жизни, по Шопенгауэру, является смерть, поскольку жизнь это – страдание, а смерть – желаемое слияние с Мировой Волей, то человек должен добровольно выбрать смерть. И когда Блок подмечает в самом себе «молодое летающее тело», «запредельную страсть», это оценивается им как активное проявление Мировой Воли, как «желание жить» в формах отдельной человеческой жизни, что философски – неправильно, поскольку, по Шопенгауэру, человек должен подавлять в самом себе «волю к жизни», «понижать ее градус» – вот, вероятно, откуда возникла оценка этой внезапной волны желания жить как «ужас».

Кроме шопенгауэровского кода, которым пользовался Блок во второй половине 1910-х гг., среди записей 1917 г. можно найти и такие, где шопенгауэровский контекст осложняется ницшеанским и вагнеровским.

В конце XIX в. Ницше вновь возвращает 'волю' из сферы метафизики, куда ее перевел Шопенгауэр, в область психологии, рассматривая ее в антропологическом аспекте. Для Ницше 'воля' есть конкретная, индивидуальная воля человека, и из всего спектра волевых целеполаганий важнейшей для него является 'воля к власти' – главная форма самоутверждения 'воли к жизни', которая, в отличие от Шопенгауэра, у Ницше оценивается высоко положительным образом. В понимании принципа воли позиция Ницше, утверждавшего волю к жизни, полноту чувственного переживания жизни, противоположна точке зрения Шопенгауэра, развивавшего учение об отрицании воли к жизни. Если, по Шопенгауэру, бытие человека в мире трагично и единственный выход для него – стремление подавить или хотя бы ослабить в себе волю к жизни, то Ницше утверждал, что нужно дать ей развернуться в полную силу.

В дни революции Блок актуализирует ницшеанское значение 'воли'. Об этом свидетельствует, например, его дневниковая запись от 25 мая 1917 г.: «Революция предполагает *волю*; было ли действие *воли*? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?» [15, с. 255] (курсив наш. – Т.И.). Как видится, рассуждение Блока здесь вновь строится на столкновении двойного значения 'воли': мировой и индивидуальной (точнее, суммы индивидуальных). Фраза «было ли *действие* воли» свидетельствует о тяготении употребленного в этом контексте слова 'воля' к шопенгауэровскому представлению о 'Мировой Воле', а блоковское суждение о том, что проявление воли было «со стороны небольшой кучки лиц», – скорее, к ницшеанскому концепту 'воля к власти'. Блок явно противопоставляет друг другу проявление индивидуальной человеческой воли и Мировой. Революция при этом понимается как следствие деятельности Мировой Воли, но никак не волевого проявления «небольшой кучки лиц». Отсюда и блоковское сомнение «была ли революция?».

Неслучайно при чтении статьи Вяч. Иванова «О “Цыганах” Пушкина» Блок обращает свое внимание на рассуждения автора о сверхличной воле и «случайной множественности» и подчеркивает, видимо, соглашаясь с Ивановым, его слова о том, что «сверхличная воля», будучи проявлением «вселенского начала», сильнее «всякой случайной множественности»²⁷.

И, наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание в данной статье.

Е.Е. Чугунова, посвятившая свою статью идее музыки в триаде «Блок – Вагнер – Ницше», отмечает: «...главным показателем, объединяющим трех авторов, можно считать категорию “музыки», а также общекультурный источник ее оформления, а именно – философию Артура Шопенгауэра, влияние которой на Блока можно считать опосредованным, а на Вагнера и Ницше – непосредственным» [5, с. 168]. Думается, что имя Шопенгауэра, выведенное исследовательницей за пределы прямого влияния на Блока, все же стоит включить в общую цепочку: Блок – Шопенгауэр – Вагнер – Ницше, поскольку в синонимических рядах, при помощи которых автор «Двенадцати» определяет природу и характер революции, он пользуется не только понятиями ‘музыки’, ‘стихий’, но и ‘воли’: «...главное, что несет в себе и с собою всякая революция: волевой, музыкальный, синтетический ее порыв ...»²⁸. В данном фрагменте в синонимическом ряду, выстроенном Блоком, ‘синтетический’ по отношению к порыву революции отсылает к понятийной системе Вагнера, ‘волевой’ – Шопенгауэра и Вагнера, ‘музыкальный’ – одновременно и Ницше, и Вагнера, и Шопенгауэра. Важно, что первым среди тех, кто сближал понятия ‘воли’ и ‘музыки’, был Шопенгауэр, считавший, что «музыка – такая же непосредственная объективация и отражения всей воли ...»²⁹; и в другом месте: «<...> Мир можно было бы с таким же правом называть воплощенной музыкой, как и воплощенной волей»³⁰.

В отличие от Ницше, отказывавшегося в собственной философии от обращения к шопенгауэровскому понятию Мировой Воли, Вагнер, испытавший громадное влияние автора «Мира как воли и представления», принимает его и вследствие этого представляет музыку в качестве музыкально оформленного проявления Мировой Воли. Хорошо понимал это Вяч. Иванов, который в своей статье «Вагнер и Дионисово действо» определил соотношение музыки и воли у композитора следующим образом: «...многоустая и все-же немая Воля поет у Вагнера бессловесным хором музыкальных орудий глубинные первоосновы <...>» [21, с. 66].

Вместе с тем, в отличие от Шопенгауэра, понимавшего Мировую Волю как слепую, не знающую космической цели силу, энергию, Вагнер более оптимистичен: он в гораздо большей степени, чем Шопенгауэр, делал акцент на том, что порыв музыки-Мировой Воли, совершающийся в метафизических ми-

²⁷ См.: Иванов Вяч. «О “Цыганах” Пушкина» // Иванов Вяч. По звездам. СПб.: Оры, 1909. С. 188 [21].

²⁸ См.: Блок А.А. Крушение гуманизма // Блок А. Собр. соч. в 8 т. Т. 6. С. 106.

²⁹ См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. С. 366.

³⁰ Там же. С. 371. А. Белый в письме Блоку от 6 января 1903 г. писал: «Музыка – созерцание метафизической воли по Шопенгауэру» [11, с. 25].

рах и оборачивающийся революцией в социально-исторической жизни, способен принести в мир гармонию. Т.е., несмотря на присутствие в языке Блока революционной эпохи ницшеанского понятия «дух музыки», его смысловое наполнение у автора «Двенадцати» в период революции приближено к Шопенгауэру и Вагнеру, поскольку именно они (но не Ницше) не только сближают, но и практически отождествляют ‘музыку и ‘волю’. По Блоку же, революция и есть воплощение в формах земной жизни музыки-Мировой Воли. Вот почему 7 августа 1917 г. Блок записывает: «Задача русской культуры – направить этот огонь на то, что нужно сжечь; буйство Стеньки и Емельки превратить в *волевою музыкальную волну*, поставить разрушению такие преграды, которые не ослабят напора огня, но организуют этот напор; организовать буйную волну; ленивое тление, в котором тоже таится возможность вспышки буйства, направить в распутинские углы души и там раздуть его в костер до неба, чтобы сгорела хитрая, ленивая, рабская похоть» [15, с. 297] (курсив наш. – Т.И.).

Лексический состав приведенного суждения Блока распадается на две группы. Первая объединяется вокруг шопенгауэровского понятия ‘Мировой Воли’ в ее стихийном разрушительном аспекте: «буйный», «буйство» (дважды), «вспышка», «напор», «огонь», «костер», «сгорела». Вторая – вокруг понятия ‘Мировой Воли’, скорее, в ее вагнеровском звучании – организующем, творческом моменте: «волевая музыкальная волна», «преграда», «организуют напор», «организуют волю», «направить». Блоковский пафос характеристики революции 1917 г. заключается в его согласии с шопенгауэровским определением двойственности Мировой Воли, включающей в себя противоположные начала разрушительных и созидательных энергий. Но вместе с тем Блок этого времени стремится к преодолению шопенгауэровского пессимизма, корректируя его уже вагнеровским пониманием музыки-Мировой Воли как организующего новый порядок жизни космического начала.

Список литературы

1. Блок А. О современном состоянии русского символизма // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М.; Л.: Худож. лит., 1962. 800 с.
2. Лотман Ю., Минц З. «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока // Блоковский сборник (1): Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А.А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964. С. 98–156.
3. Поцепня Д.М. Проза А. Блока. Стилистические проблемы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. 135 с.
4. Магомедова Д.М. О генезисе и значении символа «мировой оркестр» в творчестве А. Блока // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1974. № 5. С. 10–19.
5. Магомедова Д.М. Блок и Вагнер // Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997. С. 85–110.
6. Чугунова Е.Е. «Океан – сердце мое...» (к вопросу о триаде «Блок – Вагнер – Ницше») // Александр Блок. Исследования и материалы. Т. 4. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2011. С. 163–177.
7. Минц З.Г. Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство, 1999. 727 с.
8. Литературное наследство. Т. 92, кн. 1. М.: Наука, 1980. 564 с.

9. Петровых Н.М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки: История. Филология. Искусствоведение. 2002. Вып. 5, № 24. С. 207–217.
10. Соловьев Вл. Свобода воли // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXIX. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900. С. 165–169.
11. Андрей Белый, Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М.: Прогресс-Плеяда, 2001. 672 с.
12. Корецкая И.В. Блок о Достоевском (по неизвестным материалам) // ЛН. Т. 92. Кн. 4. М.: Наука, 1987. С. 13–33.
13. Лапшин И. Шопенгауэр // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIX. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1903. С. 789.
14. Блок А.А. Крушение гуманизма // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М.; Л.: Худож. лит., 1962. 556 с.
15. Блок А.А. Дневники // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.; Л.: Худож. лит., 1963. 544 с.
16. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993. Т. I. 672 с.
17. Коровников В.Г. Мировая воля по Шопенгауэру и Ницше // Вестник БГПУ: Гуманитарные науки. 2001. № 1–2. С. 82–84.
18. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993. Т. II. 666 с.
19. Блок А. Записные книжки. М.; Л.: Худож. лит., 1965. 664 с.
20. Блок А.А. Возмездие. Предисловие // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 3. М.; Л.: Худож. лит., 1960. 716 с.
21. Иванов Вяч. «О «Цыганах» Пушкина» // Иванов Вяч. По звездам. СПб.: Оры, 1909. 448 с.

References

1. Blok, A. O sovremennom sostoyanii russkogo simbolizma [On the contemporary condition of Russian symbolism], in Blok, A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 5* [Collection of works in 8 vol., vol. 5]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1962. 800 p.
2. Lotman, Yu., Mints, Z. «Chelovek prirody» v russkoy literature XIX veka i «tsyganskaya tema» u Bloka [«Man of Nature» in 19th century Russian literature and «gypsy theme» at the Block], in *Blokovskiy sbornik (1): Trudy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy izucheniyu zhizni i tvorchestva A.A. Bloka* [Blokovsky collection (1): Works of the scientific conference devoted to the study of life and creativity of A.A. Blok]. Tartu, 1964, pp. 98–156.
3. Potsepnyia, D.M. *Proza A. Bloka. Stilisticheskie problemy* [A. Blok's prose. Stylistic problems]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1976. 135 p.
4. Magomedova, D.M. O genezise i znachenii simvola «mirovoy orkestr» v tvorchestve A. Bloka [On genesis and significance of the symbol «world orchestra» in the work of A. Blok], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 1974, no. 5, pp. 10–19.
5. Magomedova, D.M. Blok i Vagner [Blok and Wagner], in Magomedova, D.M. *Avtobiograficheskiy mif v tvorchestve A. Bloka* [An autobiographical myth in A. Blok's work]. Moscow: Martin, 1997, pp. 85–110.
6. Chugunova, E.E. «Okean – serdtse moe...» (k voprosu o triade «Blok – Vagner – Nitshe») [«The ocean is my heart...» (To the question of the triad «Blok – Wagner – Nietzsche»)], in *Aleksandr Blok. Issledovaniya i materialy. T. 4* [Alexander Blok. Researches and materials. Vol. 4]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2011, pp. 163–177.
7. Mints, Z.G. *Poetika Aleksandra Bloka* [Alexander Blok's poetics]. Saint-Petersburg: Iskusstvo, 1999. 727 p.
8. *Literaturnoe nasledstvo. T. 92, kn. 1* [Literary inheritance. Vol. 92, book 1]. Moscow: Nauka, 1980. 564 p.
9. Petrovykh, N.M. Kontsepty volya i svoboda v russkom yazykovom soznanii [Concepts of Will and Freedom in Russian Language Consciousness], in *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo*

universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki: Istoriya. Filologiya. Iskustvovedenie, 2002, issue 5, no. 24, pp. 207–217.

10. Solov'ev, Vl. Svoboda voli [Free will], in *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. T. XXIX* [The Encyclopaedic Dictionary of Brockhouse and Ephron. Vol. XXIX]. Saint-Petersburg: Brokzauz i Efron, 1900, pp. 165–169.

11. *Andrey Belyy, Aleksandr Blok. Peregiska. 1903–1919* [Andrei Belyj and Alexander Blok. Correspondence. 1903–1919]. Moscow: Progress-Pleyada, 2001. 672 p.

12. Koretskaya, I.V. Blok o Dostoevskom (po neizvestnym materialam) [Block about Dostoevsky (for unknown materials)], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 92, kn. 4* [Literary inheritance. Vol. 92, book 4]. Moscow: Nauka, 1987, pp. 13–33.

13. Lapshin, I. Shopengauer [Schopenhauer], in *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona. T. XXXIX* [The Encyclopaedic Dictionary of Brockhouse and Ephron. Vol. XXXIX]. Saint-Petersburg: Brokzauz i Efron, 1903, p. 789.

14. Blok, A. Krushenie gumanizma [The collapse of humanism], in Blok, A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 6* [Collection of works in 8 vol., vol. 6]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1962. 556 p.

15. Blok, A. Dnevniky [Diaries], in Blok, A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 7* [Collection of works in 8 vol., vol. 7]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1963. 554 p.

16. Shopengauer, A. *Mir kak volya i predstavlenie. T. 1* [Peace as will and representation. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1993. 672 p.

17. Korovnikov, V.G. Mirovaya volya po Shopengaueru i Nitsشه [World will in understanding Schopenhauer and Nietzsche], in *Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: Gumanitarnye nauki*, 2001, no. 1–2, pp. 82–84.

18. Shopengauer, A. *Mir kak volya i predstavlenie. T. 2* [Peace as will and representation. Vol. 2]. Moscow: Nauka, 1993. 666 p.

19. Blok, A. *Zapisnye knizhki* [Notebooks]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1965. 664 p.

20. Blok, A. Vozmezdie. Predislovie [Retaliation. Preface], in Blok, A. *Sobranie sochineniy v 8 t., t. 3* [Collection of works in 8 vol., vol. 3]. Moscow, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1960. 716 p.

21. Ivanov, Vyach. «O "Tsyganakh" Pushkina» [On "The Gipsies" by Pushkin], in Ivanov, Vyach. *Po zvezdam* [On stars]. Saint-Petersburg: Ory, 1909. 448 p.